

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.581.11+316.42

doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.162-174

ВОСПРИЯТИЕ СВОБОДЫ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К.М. Наумова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия*

Аннотация

В работе рассмотрены изменения, произошедшие в лингвокультурных представлениях о свободе (自由 *zìyóu*) в китайской языковой картине мира в результате экстралингвистических и социокультурных трансформаций, привнесенных глобализационными процессами на рубеже XX – XXI вв. Отправной точкой исследования являются традиционные представления о свободе, уходящие корнями в конфуцианское учение и даосский взгляд на мир, согласно которым непослушание и своеволие индивида может привести общество и страну к хаосу, поэтому свободу следует ограничивать нормами и запретами. На основе дефиниционного, количественного, интерпретационного и контекстуального анализа более 1000 словосочетаний с интересующей нас лексической единицей описаны представления о свободе, характерные для современного китайского общества. Полученные результаты подкреплены данными количественного анализа наиболее частотных коллокаций по материалам Сбалансированного корпуса современного китайского языка Пекинского университета. Сделан вывод о том, что лексема 自由 *zìyóu* расширила свои сочетаемостные возможности в результате семантического сдвига под влиянием пришедших с Запада либеральных идей.

Ключевые слова: языковая картина мира, китайский язык, свобода, глобализация, корпусная лингвистика, лингвокультурология, языковые изменения, коллокации, традиция, Китай

Прежде чем приступить к освещению обработанного нами языкового материала, отметим, что вопрос комплексного изучения «свободы» в китайской языковой картине мира практически не поднимался на Западе и в России. Однако в Китае этой проблемой занимались как лингвисты, так и культурологи, историки [1–3]. Так, «свобода» и другие подобные единицы для современного китайца, проживающего на Тайване, в Гонконге, Синьцзяне и т. д., это тоже важные понятия, и они немного отличаются от общепринятых в материковом Китае [4–13].

Как отмечал известный писатель и историк Бо Ян (柏杨), «такие понятия как демократия, свобода, права человека, законность не могли возникнуть в Китае сами по себе, а потому пришли с Запада» [14, с. 67]. Понятие «свобода», в китайском языке закрепившееся как 自由 *zìyóu*, действительно пришло в Китай только в середине XIX в. из японского языка одновременно с такими понятиями, как

«демократия» (民主 *mínzhǔ*) и «права человека» (人权 *rénquán*) [15]. Лексико-графический анализ показал, что иероглифический знак 自 *zì* обнаруживается в древнейших письменных памятниках Китая, а именно в гадательных надписях на костях и черепаших панцирях (甲骨文 *jiǎgǔwén*), относимых к XIV – XI вв. до н. э. (СЕОД). Этимологически значение ‘сам, себя, личный’ напрямую соотносится с традицией китайцев, говоря о себе, показывать указательным пальцем на собственный нос. В современном языке морфема 自 *zì* отличается чрезвычайной продуктивностью, входя в словообразовательную структуру более чем сотни лексических единиц и устойчивых словосочетаний (КРС2). Значение второго компонента 由 *yóu* ‘исходить из’ позволяет трактовать общий смысл анализируемого бинорма 自由 *zìyóu* как ‘исходить из себя, следовать себе’.

Согласно словарным дефинициям семантику 自由 *zìyóu* можно обобщить так:

1) ‘свобода, свободный; вольный, не стесненный правилами; либеральный, диал. незанятый, праздный’ (БКРС, КРС2, СЕСД, ХД);

2) *суц.*: *филос.*: ‘возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества; независимость, отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса, всего общества или его членов’: 多给孩子们一点儿自由 *duō gěi háizimen yīdiǎn er zìyóu* ‘дать детям больше свободы’; вообще – ‘отсутствие каких-н. ограничений, стеснений в чем-н.; состояние того, кто не находится в заключении, в неволе’ (НКРС);

прил.: 1. ‘Пользующийся свободой’: 有自由的思想的科学家 *yǒu zìyóude sīxiǎngde kēxuéjiā* ‘свободомыслящий ученый’; 2. ‘Не запрещенный, беспрепятственный’; 3. ‘Не затрудненный, совершающийся легко, без помех’; 4. ‘Непринужденный, не испытывающий стеснений’; 5. ‘Никем или ничем не занятый’; 6. ‘Просторный, не тесный’; 7. ‘Не занятый трудом, делом’; 8. ‘Не имеющий чего-н., такой, к-рому не присуще что-н.’ (НКРС);

3) США, помимо уже упомянутых значений, добавляет еще одно: ‘независимость, свобода от брачных отношений’;

4) по ХД, (*суц.*) 不受拘束; 不受限制 ‘без ограничений’: 自由自在 *zìyóu zìzài* ‘непринужденно’ / 自由发表意见 *zìyóu fābiāo yìjiàn* ‘свободно высказывать свое мнение’; (*прил.*) 在法律规定的范围内, 随自己意志活动的权利 ‘в рамках установленных правил, право действовать в соответствии со своей волей’: 人身自由 *rénshēn zìyóu* ‘свобода личности’ / 自由平等 *zìyóu píngděng* ‘свобода и равенство’.

У лексемы 自由 *zìyóu* обнаруживаются как минимум четыре производных слова: 自由主义 *zìyóuzhǔyì* ‘либерализм’, 自由主义的 *zìyóuzhǔyìde* ‘либеральный/вольный’, 自由主义者 *zìyóuzhǔyìzhě* ‘либерал’, 自由化 *zìyóuhuà* ‘либерализация’.

К довольно частотным синонимам 自由 *zìyóu* ‘свобода’ относятся такие слова (в том числе с негативной коннотацией), как 任意 *rènyì* ‘факультативный; преднамеренный; своевольно; самодурство’, 擅自 *shànzi* ‘самовольно; без спроса; по своему усмотрению’, 任性 *rènxìng* ‘попустительствовать; распущенность; капризный, своенравный; самостоятельность; импульсивный’, 肆意 *sìyì* ‘действовать опрометчиво, безрассудно’, 恣意 *zìyì* ‘руководствоваться только своими прихо-

тями; своевольно’, 妄动 *wàngdòng* ‘действовать опрометчиво, безрассудно’, 随意 *suíyì* ‘по своему усмотрению [желанию]; как хочется’, 无度 *wúdu* ‘безудержный; безмерный, неограниченный, нелимитированный’, 随便 *suíbiàn* ‘как угодно, как захочется; как попало; необдуманно; без церемоний; непринужденно’, 轻易 *qīngyì* ‘легко; просто; наобум; непродуманно’, а также 释放 *shìfàng* ‘давать свободу; освобождение’, 开释 *kāishì* ‘освободить (заключенного); избавляться (от страданий)’, 保释 *bǎoshì* ‘освобождение под залог’, 获释 *huòshì* ‘получить свободу (из тюрьмы)’ (БКРС, КРС1, КРС2, СЕСД, СШД, ТЦ). Эти единицы активно используются носителями языка и входят в общее лексико-семантическое поле «свобода».

Для проведения дальнейшего контекстуального анализа использовался материал Сбалансированного корпуса современного китайского языка (СКСКЯ) и Корпуса китайского языка Лидского университета (ККЯЛУ), составивший в общей сложности порядка 1000 коллокаций, распределенных по морфосинтаксическому принципу, в том числе включавших:

Прил. + 自由 *zìyóu*: 全人类的 *quán rénlèide* ‘общечеловеческие свободы’, 共同的 *gòngtóngde* ‘общая (всеобщая) свобода’, 个体的 *gètǐ de/ 个人的 *gèrénde/ 自己的 *zìjǐde* ‘личная свобода’, 个人所特有的 *gèrén suǒ tèyǒude* ‘свобода индивидуальности’, 国家的 *guójiāde* ‘свобода государства’, 女性的 *nǚxìngde* ‘свобода женщин’, 政治的 *zhèngzhìde* ‘политическая свобода’, 经济的 *jīngjìde* ‘экономическая свобода’, 文化的 *wénhuàde* ‘культурная автономия’, 民主的 *mínzhǔde* ‘демократические свободы’, 公民的 *gōngmínde* ‘гражданские свободы’, 作家的 *zuòjiāde* ‘творческая свобода’, 充分的 *chōngfēnde / 完全的 *wánquánde* ‘полная свобода’, 形式的 *xíngshìde* ‘формальная свобода’, 相对的 *xiāngduìde* ‘относительная свобода’, 有限的 *yǒuxiànde* ‘ограниченные свободы’, 无限的 *wúxiànde* ‘неограниченная свобода’, 新的 *xīnde* ‘новые свободы’, 危险的 *wéixiǎnde* ‘опасные свободы’, 有规矩的 *yǒu guījǔde* ‘свобода, имеющая определенные правила и нормы’;***

Глаг. + 自由 *zìyóu*: 保障 *bǎozhàng* ‘защищать’, 争得 *zhēngde* ‘завоевывать’, 追求 *zhuīqiú* ‘стремиться’, 恢复 *huīfù* ‘восстанавливать’, 提供 *tígōng* ‘предоставлять’, 实现 *shíxiàn* ‘претворять в жизнь’, 发展 *fāzhǎn* ‘развивать’, 遵循 *zūnxún* ‘руководствоваться’, 珍惜 *zhēnxī* ‘дорожить’, 渴望 *kěwàng* ‘жаждать’, 践踏 *jiàntà* ‘подавлять’, 侵犯 *qīnfàn* ‘нарушать’, 使用 *shǐyòng* ‘пользоваться’, 失去 *shīqù* ‘потерять’, 滥用 *lànnyòng* ‘злоупотреблять’, 亮相 *liàngxiàng* ‘открыто демонстрировать’, 跳跃 *tiàoyuè* ‘действовать’, 建立 *jiànli* ‘устанавливать’, 歌颂 *gēsòng* ‘воспевать’, 产生 *chǎnshēng* ‘зарождаться’, 要 *yào* ‘требовать’;

Словосочетания, где 自由 *zìyóu* выступает в функции определения: 自由的人 *zìyóude rén* ‘свободный человек’, 自由度 *zìyóu dù* ‘степень свободы’, 自由派 *zìyóu pài* ‘либеральная партия’, 自由的人民 *zìyóude rénmín* ‘свободный народ’, 行动自由 *xíngdòng zìyóu* ‘свобода действий’, 自由资本主义 *zìyóu zìběn zhǔyì* ‘свободный капитализм’, 自由王国 *zìyóu wángguó* ‘царство свободы’, 新闻自由 *xīnwén zìyóu* ‘свобода прессы’, 婚姻自由 *hūnyīn zìyóu* ‘свобода брака’,

竞选的自由 *jìngxuǎnde zìyóu* ‘свобода предвыборной кампании’, 自由竞争 *zìyóu jìngzhēng* ‘свободная конкуренция’, 自由权利 *zìyóu quánlì* ‘право на свободу’, 自由思维 *zìyóu sīwéi* ‘свободное мышление’, 自由的国度 *zìyóude guódù* ‘свободное государство’, 自由的个人行为 *zìyóu de gèrén xíngwéi* ‘свобода индивидуального поведения’, 自由的散文 *zìyóude sānwén* ‘вольная проза’, 自由想象 *zìyóu xiǎngxiàng* ‘свобода самовыражения’, 言论自由 *yánlùn zìyóu* ‘свобода слова’, 自由恋爱 *zìyóu liàn'ài* ‘свободная любовь’, 自由生活 *zìyóu shēnghuó* ‘привольная жизнь’, 自由选择 *zìyóu xuǎnzé* ‘свободный выбор’, 自由讨论 *zìyóu tāolùn* ‘свободная дискуссия’, 个性自由 *gèxìng zìyóu* ‘свобода личности’, 宗教自由 *zōngjiào zìyóu* ‘свобода вероисповедания’, 创作自由 *chuàngzuò zìyóu* ‘свобода творчества’.

Синтагматический анализ корпусных данных позволяет сделать вывод о том, что лексема 自由 *zìyóu* ‘свобода’ встречается в коллокациях, описывающих многочисленные и разнообразные сферы деятельности человека: юриспруденцию, экономику, физику, искусство, философию, политику, религию, спорт, внутри-семейные отношения, средства массовой информации, психологию.

Полученные статистические данные (табл. 1) наглядно иллюстрируют, какие ключевые понятия привнесли с собой глобализационные процессы за последние два десятилетия. Речь идет о широком спектре языковых единиц, большая часть которых затрагивает общественно-политические трансформации китайского социума: изменения в экономической ситуации, восприятии института семьи и брака, а также личных и гражданско-правовых свобод.

Табл. 1

Наиболее частотные словосочетания на запрос 自由¹

№	Анализируемая единица	Значение	Частотность
1	自由	свобода	2270
2	自由化	либерализация	90
3	婚姻自由	свобода брака	53
4	自由主义	либерализм	48
5	自由竞争	свободная конкуренция	42
6	人身自由	свобода личности	39
7	自由度	степень свободы	38
8	自由自在	вольный и свободный	33
9	自由市场	свободные рынки	22
10	自由恋爱	свободная любовь	14
11	自由权	юридические свободы	12
12	自由放任	лэссер-фэр	10
13	自由民	вольный гражданин	9
14	自由王国	царство свободы	9
15	自由贸易区	зона свободной торговли	7
16	自由职业者	фрилансер	5
17	自由港	свободный порт	5

¹ www.cncorpus.org.

С появлением новой сексуальной свободы возрос интерес к частной жизни и сфере приватного, однако о традиционном и современном отношении к личной жизни можно судить по особенностям функционирования в китайском языке лексической единицы 私 *sī*, имеющей как значение ‘приватный; кумовство; тайный; незаконный’, так и ‘эгоистический; корыстный’. Анализ коллокаций выявил следующие единицы: 私自 *sīzì* ‘в частном порядке, неофициально, лично; самовольно, незаконно’, 私回 *sīhuí* ‘злоупотребление (служебным положением) в корыстных целях’, 私邸 *sīdǐ* ‘личная резиденция, частная квартира; особняк’, 私用 *sīyòng* ‘собственный; в единоличном пользовании, для личных надобностей, незаконно использовать в личных целях (напр. казенные суммы)’, 私璐 *sīlù* ‘взятка, взяточничество’, 私房 *sīfáng* ‘свой (частный) дом, собственный дом; личные сбережения; личный; тайный’, 私斷 *sīduàn* ‘решать единолично, самовольно вершить (дела)’, 私益 *sīyì* ‘частные интересы, личные выгоды’, 私有 *sīyǒu* ‘частное имущество’, 私卷 *sījuǎn* ‘тайная любовь, вторая (неофициальная) семья’, 私相授受 *sī xiāng shòu shòu* ‘тайно брать и получать, тайно обмениваться чем-либо, рука руку моет’. Свобода в китайской традиционной культуре ассоциируется с опасностью, безответственностью и асоциальностью, предполагается наличие идеи об индивидуализме, при этом внутренняя форма лексической единицы 自由 *zìyóu* характеризуется как ‘следовать себе’, ‘исходить из самого себя’ [15].

С появлением новой сексуальной свободы возрос интерес к частной жизни и сфере приватного, однако о традиционном и современном отношении к личной жизни можно судить по особенностям функционирования в китайском языке лексической единицы 私 *sī*, имеющей как значение ‘приватный; кумовство; тайный; незаконный’, так и ‘эгоистический; корыстный’. На основе анализа коллокаций выявлены следующие единицы: 私自 *sīzì* ‘в частном порядке, неофициально, лично; самовольно, незаконно’, 私回 *sīhuí* ‘злоупотребление (служебным положением) в корыстных целях’, 私邸 *sīdǐ* ‘личная резиденция, частная квартира; особняк’, 私用 *sīyòng* ‘собственный; в единоличном пользовании, для личных надобностей, незаконно использовать в личных целях (напр. казенные суммы)’, 私璐 *sīlù* ‘взятка, взяточничество’, 私房 *sīfáng* ‘свой (частный) дом, собственный дом; личные сбережения; личный; тайный’, 私斷 *sīduàn* ‘решать единолично, самовольно вершить (дела)’, 私益 *sīyì* ‘частные интересы, личные выгоды’, 私有 *sīyǒu* ‘частное имущество’, 私卷 *sījuǎn* ‘тайная любовь, вторая (неофициальная) семья’, 私相授受 *sī xiāng shòu shòu* ‘тайно брать и получать, тайно обмениваться чем-либо, рука руку моет’. Свобода в китайской традиционной культуре ассоциируется с опасностью, безответственностью и асоциальностью, предполагается наличие идеи об индивидуализме, при этом внутренняя форма лексической единицы 自由 *zìyóu* характеризуется как ‘следовать себе’, ‘исходить из самого себя’ [15].

Носители китайского языка и культуры и сегодня воспринимают эти лексические единицы как имеющие негативную коннотацию, так как в этом обществе по-прежнему не приветствуются своеволие, проявление индивидуализма и оспаривание авторитетов. Это хорошо видно на примере устойчивых выражений, бытующих в современном китайском языке: 随心所欲 *suí xīn suǒ yù* ‘следовать

своим желаниям; делать, поступать так, как вздумается’, 自由放任 *zìyóu fàngrèn* ‘либеральничать, пускать на самотек’, 轻举妄动 *qīngjǔ wàngdòng* ‘поступать неосмотрительно, действовать очертя голову’, 自由自在 *zìyóu zìzài* ‘вольно, свободно, непринужденно; обр. привольный; свободный (напр., о жизни)’, 自作主张 *zìzuò zhǔzhāng* ‘самовольничать’, 自由散漫 *zìyóu sànmàn* ‘расхлябанность’, 自作自受 *zìzuò zìshòu* ‘сам натворил, сам и отвечай’, 自讨苦吃 *zì tǎo kǔ chī* ‘пострадать по своей вине’, 自讨没趣 *zì tǎo méi qù* / 自寻烦恼 *zì xún fá nǎo* ‘напрашиваться на неприятности’, 自投罗网 *zì tóu luówǎng* ‘лезть самому в петлю’, 自怨自艾 *zì yuàn zì yì* ‘раскаиваться и негодовать на себя’, 擅离职守 *shàn lí zhíshǒu* ‘самовольно покинуть свой пост / рабочее место’, 天下兴亡, 匹夫有责 *tiān xià xīng wáng, pǐ fū yǒu zé* ‘за подъем или падение (за судьбу) государства ответственность лежит на каждом простолюдине’, 随口说出 *suíkǒu shuōchū* ‘говорить что попало’, 不管三七二十一 *bùguǎn sān qī èrshí yī* ‘очертя голову, без размышлений’ (ЖКФ, УВ, РСW, SBCI).

Анализ данных китайских словарей показывает, что большая часть вокабул с лексическими единицами, содержащими морфему 自 *zì*, носит отчетливо негативную коннотацию: 自大 *zìdà* ‘книж. эгоизм, важничать’, 自吹自擂 *zìchuī zìléi* ‘сам поет, сам в барабан бьет, самовосхваление’, 骄傲自满 *jiāo'ào zìmǎn* ‘надменность и зазнайство’, 自高声价 *zìgāo shēngjià* ‘самовозвеличивание’, 自高自大 *zìgāo zìdà* ‘высокомерие и зазнайство’, 自命不凡 *zì mìng bù fán* ‘быть слишком высокого мнения о себе’, 自己为了不起 *zìjǐ wèi liǎobùqǐ* ‘возомнить о себе’, 自夸 *zìkuā* ‘хвастаться’, 自我中心论者 *zìwǒ zhōngxīn lùnzhě* ‘эгоцентрист (ка)’, 自私 *zìsī* ‘корыстный, разг. себялюбивый’, 自私自利 *zìsī zìlì* ‘жажда личной выгоды’, 自信 *zìxìn* ‘самоуверенный’, 自以为是 *zìyǐwéishì* ‘самоуверенно поступать по-своему’ (自以为是地另搞一套的人, 必定要犯错误 *zìyǐwéishìde lìng gāo yī tàode rén, bìdìng yàofàn cuòwù* ‘кто самоуверенно поступает по-своему, тот неизбежно допускает ошибки’), 自利 *zìlì* ‘быть эгоистичным (корыстным)’, 自了 *zìle* ‘считаться только с самим собой’, 自好 *zìhào* ‘себялюбие’ (раньше имелось значение ‘дорожить своей репутацией’), 自了汉 *zìlehàn* ‘эгоист, самодур’, 自多 *zìduō* ‘переоценивать себя, чванство’, 自鸣得意 *zì míng dé yì* ‘самодовольство’, 自吹自擂 *zìchuī zìléi* ‘самовосхваление’, 自大狂 *zìdàkuáng* ‘мания величия’, 自我主义 *zìwǒ zhǔyì* ‘эгоизм’, 自顾自 *zìgùzì* ‘заботиться только о себе’, 自恣 *zìzì* ‘руководствоваться своими желаниями’, 自为阶级 *zìwéi jiējí* ‘класс «для себя»’, 自问有愧于人民 *zìwèn yǒu kuì yú rénmín* ‘чувствовать себя виноватым перед народом’, 自我作古 *zìwǒ zuògǔ* ‘не считать себя связанным традициями’, 自我表现 *zìwǒ biǎoxiàn* ‘выпячивать свои заслуги’ (ЖКФ, УВ, РСW, SBCI).

Анализ других лексических единиц, в структуру которых входит морфема 自 *zì*, также подводит к интересным выводам. Так, человек, ставший самостоятельным и постоянно совершенствующийся в своих знаниях и нравственных качествах, традиционно в Китае вызывает уважение. Это положение иллюстрирует активное использование носителями китайского языка таких выражений, как 自行其是 *zìxíng qíshì* ‘идти своей дорогой’, 他已经能自主了 *tā yǐjīng néng zìzhǔle*

‘он уже стал самостоятельным человеком’, 自立 *zìlì* ‘жить самостоятельно, занять свое место в жизни’ (子女尚未自立 *zǐnǚ shàngwèi zìlì* ‘дети еще не стали на ноги’), 自斟自酌 *zì zhēn zì zhuó* ‘самому наливать вино, самому и пить (обр. в знач.: быть самостоятельным в своих суждениях, решать по своему усмотрению)’, 自力更生 *zìlì gēngshēng* ‘опираться на собственные силы, самостоятельно’, 自食其力 *zìshí qílì* ‘жить собственным трудом’, 自修 *zìxiū* ‘заниматься самосовершенствованием’, 自强不息 *zìqiáng bùxī* ‘постоянно самосовершенствоваться’, 自知之明 *zìzhī zhīmíng* ‘способность познать самого себя’, 自治 *zìzhì* ‘самому изучать и оценивать свои поступки’, 自媒 *zìméi* ‘самой выбрать себе мужа’.

При этом в Поднебесной клан всегда представлял собой гораздо более важное понятие, нежели входящий в него индивид, который должен вести себя соответственно своей социальной роли в обществе, оставляя все личные переживания и мнения при себе [14]. Китаец может высказывать свое мнение, но только до тех пор, пока такое поведение не вызывает осуждения семьи или иного, важного для него коллектива.

Если самовосхваление и гордыня подвергаются общественной критике и даже насмешкам, о чем уже упоминалось выше, то скромное поведение, сдерживание своих эмоций и чувств, наоборот, ожидаемы и поощряются социумом: 画地自限 *huàdì zìxiàn* ‘держаться в строгих рамках’, 自谦 *zìqiān* ‘скромничать’, 自不量力 *zì bù liàngli* ‘переоценить свои силы и возможности, позволять себе больше, чем следует’, 自暴自弃 *zìbào zìqì* ‘самоуничужение’, 自卑心理 *zìbēi xīnlǐ* ‘состояние самоуничужения’, 自卑感 *zìbēi gǎn* ‘чувство самоуничужения’, 自制 *zìzhì* ‘самообладание, выдержка’, 自封 *zìfēng* ‘держаться в рамках’.

Для китайской аксиологической концепции культуры характерным является представление о том, что истинная свобода возможна в двух случаях. Во-первых, при выборе своего духовного пути, когда каждый сам решает, какому учению следовать и во что верить. Во-вторых, свобода возможна только в рамках установленных правил, закрепленных в том числе юридически. Нарушения всеобщего порядка могут привести и страну, и народ к крайне нежелательному хаосу, поэтому можно сказать, что «наивысшая свобода – это свобода, упорядоченная законами и нормами» (перевод наш. – К.Н.) [16, с. 44]. Еще легисты полагали, что «человек рождается греховным, и только беспощадная сила закона может подавить его низменные порывы» [17, с. 19], или, как показывают примеры из корпусов: 法律才能使每个人得到最大的自由 *fǎlǜ cáinéng shǐ měigè gèrén dédào zuìdàde zìyóu* ‘закон может дать каждому человеку максимальную свободу’; 有规矩的自由叫活泼, 没有规矩的自由叫放肆 *yǒu guījǔde zìyóu jiào huópō, méiyǒu guījǔde zìyóu jiào fàngsì* ‘упорядоченная свобода называется активностью, неупорядоченная – распушенностью’.

Вне зависимости от того, придерживался ли человек буддистских или даосских воззрений, конфуцианское морально-этическое учение, ставя превыше всего сословную и семейную иерархию, регламентировало почти все сферы межличностных отношений не только с живыми людьми, но и с ушедшими в иной мир предками, устанавливая определенные обряды и поведенческие паттерны, способные поддерживать гармонию и порядок в социуме [18]. Как говорил Конфуций,

«(е)сли управляешь, опираясь на правила, а порядок поддерживаешь наказаниями, народ будет чувствовать себя вольготно, но без стыда. Когда управляешь, опираясь на силу духа, а порядок поддерживаешь обрядами, тогда у людей будет и стыд, и порядочность» [19, с. 16]. Сказанное, разумеется, не означает, что китайцы чувствовали себя ограниченными в своих правах или свободах, вероятно, еще столетие назад они могли об этом и вовсе не задумываться. Однако такое поведение было и во многом остается нормой китайского общества, где церемонии и ритуалы не только ожидаемы, но где их отсутствие или несоблюдение в конкретной ситуации бытового общения может служить показателем того, что у человека недостаточно высокий уровень морали или воспитания [20–21]. Человек, соблюдающий принцип *сяо*, никогда не пойдет против власти, а следовательно, и не затеет смуту [22, с. 34]. Как отмечает Л. С. Переломов, «неприятие “хаоса” – основа политической культуры конфуцианского региона. И в XX, и в XXI в. “стабильность” ценится выше прав личности, такова сила конфуцианской традиции» [22, с. 137].

В отличие от конфуцианцев, даосы отвергали любые социальные нормы и порядки. Они полагали, что человек свободен в своих сексуальных желаниях, которые, правда, нередко граничили с безнравственностью и распущенностью, за что порицались конфуцианской традицией с ее матримониальными устоями [23]. Вместе с тем стремление даосов познать истинный Путь-Дао, наблюдая за силами природы и совершая особые практики, привело к осознанию того, что человек свободен в своих мыслях и творческой самореализации: 自出机杼 *zìchūjīzhù* ‘произвести (что-л.) оригинальное (в литературе), написать (что-л.) самобытное’, 自成一家 *zìchéngyījiā* ‘создать собственную школу, быть оригинальным, сохранять индивидуальность (в творчестве)’. 你是天生的哲学家, 自然有哲学性的思考方式, 永远使你乐观、进取、爱好自由、乐于助人 *Nǐ shì tiānshēng de zhéxué jiā, zìrán yǒu zhéxué xìng de sīkǎo fāngshì, yǒngyuǎn shǐ nǐ lèguān, jìnqǔ, àihào zìyóu, lè yú zhùrén* ‘ты – прирожденный философ, у тебя, безусловно, философское мышление, ты смотришь на все с оптимизмом, стремишься вперед, любишь свободу, а также охотно приходишь на помощь’.

Идеи даосизма о безграничных возможностях воображения при определенных условиях (например, употреблении вина или специального травяного отвара) воплотились в лирические произведения с автобиографическим сюжетом и живописные пейзажные полотна, где человек – лишь маленькая частица мироздания, не имеющая возможности вмешиваться в естественный ход вещей [24].

Представляется, что в нынешней ситуации, когда Китай развернул кампанию по привлечению талантов к работе в высокотехнологичных и инновационных сферах, разумное свободомыслие, оригинальность и новаторский подход будут востребованы при отборе кадров. Однако существует мнение, с которым сложно не согласиться, что «реформы в меньшей степени рассматриваются через призму соблюдения прав человека и свобод граждан» [25, с. 98]. Вполне возможно, что Китай принимает когда-то чуждые ему правила игры, чтобы по возможности интегрироваться в мировое сообщество, но при этом сохраняются традиционные воззрения на то, какой должна быть свобода у настоящего *цзюньцзы*.

Так, например, подобный человек исходил из принципов справедливости и долга и в случаях, когда не представлялось иного выхода, ради сохранения собственного лица или чести семьи мог покончить жизнь самоубийством (自杀 *zìshā*). Часто общество не порицало таких «свободных» поступков, наоборот, оно могло интерпретировать их как героизм, отвагу, смелость или даже наивысшую форму проявления сыновней почтительности, если, например, человек жертвовал собой ради спасения родителей или других близких родственников.

Таким образом, на современном этапе 自由 *zìyóu* продолжает нести те же коннотации и смыслы, с которыми эта лексическая единица пришла в китайский язык в XIX в. Неслучайно она прочно ассоциируется с правами людей и демократией. Вместе с тем слово вобрало в себя и привычную для традиционного Китая интерпретацию свободы как свободы вероисповедания, творчества и оговоренных законом действий. В данном случае, как представляется, наблюдается феномен слияния укоренившихся в языке значений и коннотаций с новыми, еще не до конца «адаптированными» идеями, которые тем не менее постепенно встраиваются в семантику лексической единицы, в результате подобных семантических сдвигов расширяются синтагматические свойства соответствующих лексических единиц.

Источники

- БКРС – Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / Под рук. и ред. проф. И.М. Ошанина. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1983–1984.
- КРС1 – Китайско-русский словарь: около 60 000 слов / Под ред. Б.Г. Мудрова. – М.: Рус. яз., 1988. – 528 с.
- КРС2 – Китайско-русский словарь / Под ред. Ся Чжунъи. – М.: Вече, 2005. – 1280 с.
- ЖКФ – Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии. – М.: КДУ, 2014. – 346 с.
- ККЯЛУ – Корпус китайского языка Лидского университета. – URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/internet.html>, свободный.
- НКРС – Котов А.В. Новый китайско-русский словарь. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 605 с.
- СКСКЯ – Сбалансированный корпус современного китайского языка. – URL: <http://www.aihanyu.org/cncorpus/index.aspx>, свободный.
- УВ – Ху Хун. Устойчивые выражения китайского языка. Справочник / Пер. с кит. А.С. Жмак. – М.: Шанс, 2019. – 191 с.
- CEOD – Chinese Etymology On-line Dictionary. – URL: <https://hanziyuan.net/>, свободный.
- CECD – Concise English-Chinese / Chinese-English Dictionary / Ed. M.H. Manser. – Beijing: The Commercial Press, Oxford Univ. Press, 2004. – 676 p.
- PCW – 尹斌庸. 谚语100: 汉英对照. – 北京: 华语教学出版社, 2010. – 201 页. = *Yin Binyun. 100 Pearls of Chinese Wisdom.* – Pekin: Publ. House of Teaching Chinese, 2010. – 201 p.
- SBCI – 周苓仲, 何泽人. 典故100: 汉英对照. – 北京: 华语教学出版社, 2010. – 284 页. = *Zhou Lingzhong, He Zeren. The Stories behind 100 Chinese Idioms.* – Pekin: Publ. House of Teaching Chinese, 2010. – 284 p.
- СШД – 新时代饿汉详解大词典 (全4卷). – 北京: 北京: 商务印书馆, 2014. – 7576 页. = *Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи: в 4 т.* – Пекин: Коммерческая пресса, 2014. – 7576 с.

- ТЦ – 梅家驹, 竺一鸣, 高蕴琦, 殷鸿翔. 同义词词林. – 上海: 上海辞书出版社, 1996. – 653 页. = *Мэй Цзячжу, Чжу Имин, Гао Юньци, Инь Хунсян. Лес синонимов.* – Шанхай: Шанх. лексикогр. изд-во, 1996. – 653 с.
- ХД – 汉语大辞典 = Большой словарь китайского языка. – URL: <http://www.hydc.com>, свободный.

Литература

1. *Robert A. Carleo III. Confucian freedom: Assessing the debate // Asian Philosophy.* – 2021. – V. 31, No 3. – P. 211–228. – doi: 10.1080/09552367.2021.1899439.
2. 李晓瞳. 马克思主义自由观的批判性建构与当代发展// 新时代·新思想. – 2021. – 3期. – 页码. 53–60. = *Ли Сянтун. Критическое построение и современное развитие марксистского взгляда на свободу // Новая эра. Новые идеи.* – 2021. – № 3. – С. 53–60. – doi: 10.19810/jissn.1007-4767.2021.03.008.
3. 贺艺成. 论道德自由 // 湖南师范大学学位评定委员会办公室, 硕士学位论文. – 湖南, 2020. – 60 页. = *Хэ Ичэн. О моральной свободе: Магистер. дис.* – Хунань: Хунан. пед. ун-т, 2020. – 60 с.
4. *Suary Shirley Lin. Analyzing the relationship between identity and democratization in Taiwan and Hong Kong in the shadow of China.* – URL: <https://theasanforum.org/>, свободный.
5. *Fuller G.E., Starr S.F. The Xinjiang Problem.* – New York, London: Cent. Asia-Caucasus Inst., Paul H. Nitze Sch. Adv. Int. Stud., Johns Hopkins Univ., 2003. – 87 p.
6. *Chen D.-S. Taiwan's social changes in the patterns of social solidarity in the 20th century // The China Quarterly.* – 2001. – V. 165. – P. 61–82. – doi: 10.1017/S0009443901000043.
7. *Chang Bi-yu. From Taiwanisation to de-sinification // China Perspectives.* – 2004. – V. 56. – P. 1–19. – doi: 10.4000/chinaperspectives.438.
8. *Au A. Collective identity, organization, and public reaction in protests: A qualitative case study of Hong Kong and Taiwan // Social Sciences.* – 2017. – V. 6, No 4. – Art. 150, P. 1–17. – doi: 10.3390/socsci6040150.
9. CUHK releases survey findings on views on Hong Kong's core values. – CUHK Commun. Public Relat. Off., 2015. – Oct. 29. – URL: <https://www.cpr.cuhk.edu.hk/en/press/cuhk-releases-survey-findings-on-views-on-hong-kongs-core-values-2/>, свободный.
10. *Lou L.I.T. Freedom as ethical practices: On the possibility of freedom through freeganism and freecycling in Hong Kong // Asian Anthropology.* – 2019. – V. 18, No 3. – P. 249–265. – doi: 10.1080/1683478X.2019.1633728.
11. *Chu Yun-han, Chang Yu-tzung. Confucian values and conception of democracy: An empirical study of mainland China, Taiwan and Hong Kong // Proc. Int. Conf. on the Transformation of Citizen Politics and Civic Attitudes in Three Chinese Societies.* Taipei, Nov. 19–20, 2004. – Taipei: Natl. Taiwan Univ., Acad. Sin., 2004. – P. 1–43.
12. *Lynch D. Taiwan's democratization and the rise of Taiwanese nationalism as socialization to global culture // Pacific Affairs.* – 2002. – V. 75, No 4. – P. 557–574. – doi: 10.2307/4127346.
13. *Kwan J.P. The rise of civic nationalism: Shifting identities in Hong Kong and Taiwan // Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations.* – 2016. – V. 2, No 2. – P. 941–973.

14. *Спешнев Н.А.* Китайцы: Особенности национальной психологии. – СПб.: КАРО, 2011. – 330 с.
15. *Штримматер К.* Инструкция по применению: Китай / Пер. с нем. Я. Урусовой. – М.: Аякс-Пресс, 2006. – 256 с.
16. 葛华. "自由" 观念的语言文化场对比研究. – 哈尔滨: 哈尔滨师范大学, 硕士学位论文. – 2015. – 51 页. = *Гэ Хуа.* Сравнительное изучение концептов "свобода / 自由" в русской и китайской лингвокультурах: Магистер. дис. – Харбин: Харбин. пед. ун-т, 2015. – 51 с.
17. *Мэйсон К., Мюррей Д.* Китай: Обычаи и этикет / Пер. с англ. М. Леоновича. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 96 с.
18. *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. – Смоленск: Русич, 2010. – 544 с.
19. Конфуций. Рассуждения в изречениях / Пер. и ком. Б. Виногородского. – М.: Эксмо, 2013. – 224 с.
20. *Маслов А.А.* Китай и китайцы. О чем молчат путеводители. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 288 с.
21. *De Mente B.L.* Chinese Etiquette & Ethics in Business. – Singapore: McGraw-Hill, 2004. – 256 p.
22. *Переломов Л.С.* Конфуций. Суждения и беседы / Пер. с кит.; вступ. ст. и комм. Л.С. Переломова. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 360 с.
23. *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. – СПб.: Лань, 1999. – 416 с.
24. *Алимов И.А., Кравцова М.Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2014. – 1408 с.
25. *Леонард М.* О чем думают в Китае? / Пер. с англ. И.В. Кузнецова. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 222 с.

Поступила в редакцию
04.04.2021

Наумова Ксения Михайловна, соискатель кафедры китайской филологии, старший преподаватель кафедры английского языка в сфере международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., д. 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: ksenianaumova888@gmail.com

**Perception of Freedom in the Chinese Linguistic Worldview:
Tradition and Modernity***K.M. Naumova**St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034 Russia*E-mail: *ksenianaumova888@gmail.com*

Received April 4, 2021

Abstract

This article examines the changes in the linguistic and cultural concepts of freedom (自由 *zìyóu*) in the Chinese linguistic worldview, which have occurred as a result of extralinguistic and socio-cultural transformations brought by globalization processes between the 20th and 21st centuries. The starting point of the research is the traditional ideas about freedom, rooted in Confucianism and the Taoist worldview, according to which disobedience and self-will of the individual can lead society and the country to chaos, so freedom should be limited by norms and prohibitions. By studying empirical data with the help of definitional, quantitative, interpretative, and contextual analysis, a total of more than 1000 phrases with the lexical unit of interest were gathered. Thus, the idea of freedom in modern Chinese society was described in great detail. The results obtained were accompanied with the data of the quantitative analysis of the most frequent collocations based on the materials of the Balanced Corpus of Modern Chinese in Peking University. The article provides many examples that prove that the lexeme 自由 *zìyóu* occurs in phrases that describe numerous and diverse spheres of human activity. The conclusion was made that it has expanded its combinability capabilities as a result of the semantic shift that took place with the penetration of liberal ideas into China from the West. The research is of great importance and benefit for Chinese philologists, as well as for anyone interested in studying globalization processes and their impact on the traditional cultures of the East.

Keywords: linguistic worldview, Chinese language, freedom, globalization, corpus linguistics, cultural linguistics, linguistic change, collocations, tradition, China

References

1. Robert A. Carleo III. Confucian freedom: Assessing the debate. *Asian Philosophy*, 2021, vol. 31, no. 3, pp. 211–228. doi: 10.1080/09552367.2021.1899439.
2. Li Xiatong. The critical construction and contemporary development of the Marxist view of freedom. *New Era. New Ideas*, 2021, no. 3, pp. 53–60. doi: 10.19810/jissn.1007-4767.2021.03.008. (In Chinese)
3. Ho Iat Seng. On moral freedom. *Master's Thesis*. Hunan, Hunan Norm. Univ., 2020. 60 p. (In Chinese)
4. Suary Shirley Lin. Analyzing the relationship between identity and democratization in Taiwan and Hong Kong in the shadow of China. Available at: <https://theasanforum.org/>.
5. Fuller G.E., Starr S.F. *The Xinjiang Problem*. New York, London, Cent. Asia-Caucasus Inst., Paul H. Nitze Sch. Adv. Int. Stud., Johns Hopkins Univ., 2003. 87 p.
6. Chen D.-S. Taiwan's social changes in the patterns of social solidarity in the 20th century. *The China Quarterly*, 2001, vol. 165, pp. 61–82. doi: 10.1017/S0009443901000043.
7. Chang Bi-yu. From Taiwanisation to de-sinicification. *China Perspectives*, 2004, vol. 56, pp. 1–19. doi: 10.4000/chinaperspectives.438.

8. Au A. Collective identity, organization, and public reaction in protests: A qualitative case study of Hong Kong and Taiwan. *Social Sciences*, 2017, vol. 6, no. 4, art. 150, pp. 1–17. doi: 10.3390/socsci6040150.
9. CUHK releases survey findings on views on Hong Kong's core values. Commun. Public Relat. Off., Oct. 29, 2015. Available at: <https://www.cpr.cuhk.edu.hk/en/press/cuhk-releases-survey-findings-on-views-on-hong-kongs-core-values-2>.
10. Lou L.I.T. Freedom as ethical practices: On the possibility of freedom through freeganism and freecycling in Hong Kong. *Asian Anthropology*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 249–265. doi: 10.1080/1683478X.2019.1633728.
11. Chu Yun-han, Chang Yu-tzung. Confucian values and conception of democracy: An empirical study of mainland China, Taiwan and Hong Kong. *Proc. Int. Conf. on the Transformation of Citizen Politics and Civic Attitudes in Three Chinese Societies. Taipei, Nov. 19–20, 2004*. Taipei, Natl. Taiwan Univ., Acad. Sin., 2004, pp. 1–43.
12. Lynch D. Taiwan's democratization and the rise of Taiwanese nationalism as socialization to global culture. *Pacific Affairs*, 2002, vol. 75, no. 4, pp. 557–574. doi: 10.2307/4127346.
13. Kwan J.P. The rise of civic nationalism: Shifting identities in Hong Kong and Taiwan. *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal*, 2016, vol. 2, no. 2, Aug/Sept., pp. 941–973.
14. Speshnev N.A. *Kitai: Osobennosti natsional'noi psikhologii* [The Chinese: National Psychological Profile]. St. Petersburg, KARO, 2011. 330 p. (In Russian)
15. Strittmatter K. *Instruktsiya po primeneniyu: Kitai* [Instruction for Use: China]. Moscow, Ayaks-Press, 2006. 256 p. (In Russian)
16. Ge Hua. A comparative study of the concepts of freedom/自由 in the Russian and Chinese linguocultures. *Master's Thesis*. Harbin, Harbin Norm. Univ., 2015. 51 p. (In Chinese)
17. Mason C., Murray G. *Kitai: Obychai i etiket* [Customs and Etiquette of China]. Moscow, AST, Astrel', 2009. 96 p. (In Russian)
18. Sidikhmenov V.Ya. *Kitai: stranitsy proshlogo* [China: A Retrospect]. Smolensk, Rusich, 2010. 544 p. (In Russian)
19. *Konfutsii. Rassuzhdeniya v izrecheniyakh* [Confucius. Reasoning in Aphorisms]. Vinogorodskii B. (Transl. and Comm.). Moscow, Eksmo, 2013. 224 p. (In Russian)
20. Maslov A.A. *Kitai i kitai: O chem molchat putevoditeli* [China and the Chinese. What Guidebooks Never Tell]. Moscow, RIPOL Klassik, 2013. 288 p. (In Russian)
21. De Mente B.L. *Chinese Etiquette & Ethics in Business*. Singapore, McGraw-Hill, 2004. 256 p.
22. Perelomov L.S. *Konfutsii. Suzhdeniya i besedy* [Confucius. Judgments and Conversations]. Moscow, RIPOL Klassik, 2017. 360 p. (In Russian)
23. Kravtsova M.E. *Istoriya kul'tury Kitaya* [History of Chinese Culture]. St. Petersburg, Lan', 1999. 416 p. (In Russian)
24. Alimov I.A., Kravtsova M.E. *Istoriya kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII v.: poeziya, proza* [History of Chinese Classical Literature from Antiquity to the 13th Century: Poetry, Prose]. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 2014. 1408 p. (In Russian)
25. Leonard M. *O chem dumayut v Kitae?* [What Does China Think?]. Moscow, AST, AST Moskva, 2010. 222 p. (In Russian)

Для цитирования: Наумова К.М. Восприятие свободы в китайской языковой картине мира: традиция и современность // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 4–5. – С. 162–174. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.162-174.

For citation: Naumova K.M. Perception of freedom in the Chinese linguistic worldview: Tradition and modernity. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 4–5, pp. 162–174. doi: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.162-174. (In Russian)